

ТАТЬЯНА БОЧУ-ОСМОЛОВСКАЯ

ПОКА ЕСТЬ
НА ЗЕМЛЕ
ЩИКАДЫ И ОЛИВЫ

16+

Татьяна Бонч-Осмоловская

**Пока есть на земле
цикады и оливы**

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Бонч-Осмоловская Т.

Пока есть на земле цикады и оливы / Т. Бонч-Осмоловская —
«ЛитРес: Самиздат», 2021

Татьяна Бонч-Осмоловская, исследователь и поэт, автор двенадцати сборников рассказов, романов, учебников и сборников стихотворений, предлагает подросткам и взрослым отправиться в путешествие через пространство и время. Когда однажды ночью мама разбудит Ганю и попросит принести волшебный гребень, девочка не сможет и вообразить, чем обернутся ее приключения, каких удивительных и страшных существ повстречает она по пути, с кем подружится и о ком заплачет. И кто будет плакать по ней, когда Ганя увидит правителя города на другом берегу моря. Никогда больше не промелькнет над землей быстрая тень с кошачьими лапами. Но эта земля, Киммерия, Таврия, Крымское ханство, Таврида, Крым, будет с ней всегда.

© Бонч-Осмоловская Т., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Татьяна Бонч-Осмоловская

Пока есть на земле цикады и оливы

ПРОЛОГ

Есть люди, которые помнят себя с семи лет, другие – с трех. Я помню с самого начала. Спирали звезд в бесконечном просторе неба, парение и блаженство, последний миг полета в искрящемся танце, завернувшись вдруг в воронку со скрежетом, какое издает стекло, когда по нему царапает оловянная вилка. Помню беспомощность и злость перед неодолимой силой, влекущей меня, меня, вдруг отделившуюся от совершенного сияющего пространства в отдельность, хрупкость, глупость, влекомую насильно в коридор, заворачивающийся по узким свистящим пролетам дальше и дальше от света, за угол, за поворот, все уже и уже и уже, все глубже и дальше, в пульсирующую кровотокающую точку. Всхлип, взрыв, взлет. Помню, как все закончилось – небо, море, звезды. По водной поверхности пробежала рябь. Воздух сгустился, глотками выплескиваясь наружу, хлопнула, растекаясь по горизонту, тьма и брызнули в лицо лучи, искры, звуки. Закончилась и началась я.

– Катя, Женя, Клара, девочки, вы целы?

– Где мы?

– Летели свиристели на лихой метели, вылетели за болото, в тройном прыжке с переворотом. На хлипком мосту вылетели за черту, взлетели, выпрыгнули из корыта, глядь, а дорожка перекрыта...

– Надо было включить фары! Трус!

– Дура, нельзя было огни включать, нас бы заметили...

– Дети, где дети, Катя, Женя, Клара, Петя, Павлик?

– Они заметили нас?

– В темную ночь беду не тревожь, назад не смотри, беда ждет внутри, сто тяжелых машин раздавили кувшин, продырявили пруд, всех лягушек сожрут, отвалили грязи, убралась восвояси, на стальной каракатице, прыгают и пьются...

– Мапочка, где ты? У меня грязь в носу!

– Катя, дай руку, лезь через окно!

– Здесь стекло разбито, мамочка! Мне трудно дышать!

– Не бойся, видишь, все хорошо, лезь, так, теперь ложись здесь, на траву, видишь, это только царапины, ничего страшного.

– Мы уехали, у нас получилось?

– Под стальными шинами стоит плач лягушинный, весь день взъерепень, ступень на ступень, осколки расплзаются, воронье слетается, а в крошечной темноте ступени не те...

– Мы дожидались, когда они все пройдут. Мы не могли ехать навстречу колонне!

– Петя?!

– Я здесь, мама, я в порядке.

– Мы проехали мост? Проскочили? Все нормально?

– Мчались вприскок с кочки на кочку, спешили догнать давешнюю благодать, по мосту перейти на иные пути, но в тени моста поднялась чернота, черепки, ступеньки, высокие, серенькие, ноша тяжела, много барахла...

– Павлик? Павлик, не плачь, не плачь, малыш, мама с тобой, ты цел, смотри, все хорошо, мы все целы, все вместе, рядом.

– Мама, где Женя?

– Здесь, здесь, рядом, Женя... Женечка, девочка моя! Женя!!

– Что нам делать теперь? Ох, мама, мамочка, что же нам делать?

– Женя...

– Слышишь меня? Послушай меня! Держи дочку на ладошках. К себе прижми, сказкою корми. Я буду с тобою, от ветра прикрою. Ты с ней говори, весели, сохрани, пой песню любую, чудную, расписную, только говори, песню сотвори. Хочешь удержать, продолжай читать.

– Сейчас... сейчас... сейчас...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧЕРЕЗ МОРЕ

Глава 1

*Мы собрались, чтоб радостно напиться,
Бочку вина, хозяин, ставь на стол,
Наш добрый друг ломает перекрытья,
Когда заканчивает пить рассол.
Все вместе, мы дружно напьемся,
Мы славные песни споем,
И счастливо мы рассмеемся,
И чаши взведем над столом.
Примчались мы по зову старой дружбы,
Едва нам ветер доставил приказ,
И никакой причины нам не нужно,
Коль ты зовешь, дружище, выпить нас.
Все вместе, мы дружно напьемся,
Мы славные песни споем...*

Ганя лежала зажмурившись, слушая пение внизу. Хор низких голосов звучал уже давно и все расходился. Она очень старалась заснуть, но звуки проникали из двора в спальню в боковом крыле и сотрясали медную вазу у входа в комнату. Они давно разбудили ласточку под крышей, она носилась перед окном, прочерчивая темноту быстрыми дугами. Казалось, качается даже чаша в центре фрески и молоко вот-вот потечет по стене на пол.

Ганя плотнее закуталась в покрывало, прижала к боку меховую Айку, погладила пушистую морду.

– Ничего, Айка, поорут и замолчат. Скоро уже. Видишь, звезда закатилась, всходит луна. Они каждую ночь попоют, попоют, и успокаиваются. Скоро замолчат.

Айку сшила ей мама, давным-давно, когда Ганя была маленькой. Но она до сих пор брала ее в кровать, зимними ночами – для тепла, летними – по привычке.

Ночь уже перевалила за середину. Чаша на стене заблестела под серебристым лунным светом. Крики смолкли. Видимо, пирующие навалились на угощение, и Ганя начала сползать в сон, но тут же подскочила при звуках новой хвалебной песни. Девочка сжала ресницы и принялась в уме пересчитывать овец под навесом. Овцы тоже проснулись от криков из большого двора и коротко блеяли. Скоро побледнеет луна, расцветится лазурью небо. Мама распахнет калитку, и овцы одна за другой чинно выйдут на луг за оградой. Они примутся хрустеть холодной травой в каплях утренней росы. Изредка овцы станут поднимать головы, в раздумье глядя вдаль, на морские волны за обрывом, где бегут навстречу им седые морские барашки. Бегут, бегут, да все никак не добегут, не взберутся по крутому склону, не встретятся с земными овечками. Сами овцы не подходят близко к обрыву, там начинается скучная каменистая почва, без кустов и цветов, одни несъедобные твердые камни. А если бы набрались любопытства и храбрости – и заглянули, то увидели бы у пристани множество кораблей. Сколько именно, овцы

не сказали бы, они ведь и считать не умеют. Что корабли, даже пропажу то одной, то другой своей подруги они едва замечают в круге ежедневных забот – днем искать сочные травы, ночью спать под навесом.

А хозяйка дома уже задумывается, сколько еще овец она может зарезать, чтобы накормить всех гостей. Сколько овец можно забрать из стада, пока это все еще стадо, и сколько голов сыра можно забрать из кучи, пока это все еще куча? Хозяйка размышляет также, что она станет делать, когда овцы закончатся и подойдут к концу запасы вина и сыра. Гости пришли много ночей назад, чтобы продолжить путь дальше вместе с хозяином дома, мужем хозяйки. Но ветер стих, приковав корабли в якорям. Туман скрыл мели и подводные скалы, море лежало то сверкающим, то черным зеркалом, и путешествие откладывалось со дня на день. Они могут пробыть тут еще месяц, и еще месяц, и еще, и все это время она будет готовить им мясо, печь хлеб, приносить вино и сыр. Клара была хорошей хозяйкой и, сидя на резном кресле рядом с мужем, улыбалась гостям, не позволяя заботам проложить складки на ее лбу.

Она была также хорошей матерью и учила Ганю всему, что полагается знать и делать девочке. Дочка просыпалась по ночам от громкого смеха и песен пирующих, но лежала молча, не плакала и не звала маму. Чего пугаться! Айка лежала рядом с ней, на кровати, пахнувшей сосновой смолой, в спальне на втором этаже дома, в жилых коридорах, далеко от двора, где хохочут отец и гости. Мама запретила ей плакать. Сказала, ты уже большая девочка. Конечно, как молча лежать в комнате, когда они орут во дворе, так большая, а как забралась за птенцом по обрыву, так куда полезла, маленькая еще. Пятнадцать лет, не такая уж маленькая. Хотя тощая, говорят, на вид не больше двенадцати.

Гости запели новую песню. Их голоса гремели между каменных стен двора, отражаясь и поднимаясь к холодным звездам. Теперь мелодию вел один торжественный высокий голос, остальные только подтягивали припев, не мешая певцу вести тонкие узорчатые переливы. Это была очень красивая песня, в ней пелось об очень красивой женщине. Но девочка загрузтила, слушая ее. Каждую ночь они поют о самой прекрасной красавице, поют о какой-то женщине, которую видели лишь мельком, издали, много лет назад, когда ее мама сидит с ними рядом, за высоким столом. Если Гане грустно, как же грустно ее маме слушать похвалы чужой красавице!

Легко им петь, легко славить красоту, которую уже забыл или вовсе даже не видел!

Гане хотелось прибежать вниз и показать им на самую лучшую, самую красивую женщину на свете – на ее маму! Смотрите, как же вы не видите, вот она – прекрасная, добрая Клара, это ведь она лучше всех, а не ваша невиданная красавица! Как вы не понимаете, что ей грустно сидеть в собственном доме, слушая, как гости состязаются в похвалах другой хозяйке.

Но Ганя была воспитанной девочкой, и конечно же, во двор не спускалась и с чужими взрослыми не спорила.

Днем, когда они работали вместе с мамой по дому, она улучала момент и прижималась к ней, но не объясняла, зачем. Хорошие девочки не терзают взрослых расспросами про других взрослых.

Но как бы ей хотелось, чтобы они замолчали!

Но гости продолжали петь. Тонкий голос, ведущий мелодию, находил бесконечные слова похвалы чужой красавице. Сидя за уставленным кубками и блюдами столом, Клара улыбалась гостям, кивала то одному, то другому через уложенную плитами, освещенную чадающими факелами площадку двора. Она умела держать себя в руках.

Но тут в портике показалась маленькая фигура. Даже пение стихло, хотя и не прервалось вовсе. Собравшиеся за столами смотрели, как малыш, сын Клары, идет через двор, покачиваясь на толстеньких ножках, поскользываясь на гладких камнях. Мальчик обогнул мать за заглавным столом и плюхнулся на пол у ног отца, обняв его колено. Отец потрепал короткие кудряшки на голове малыша, и тот, словно получив разрешение, затянул песню вместе с гостями. Его голосок поднялся над речитативом взрослых певцов: «О нежнокожая дева, песни

во славу твою вожделием исполнены страсти...» Гости расхохотались. Собаки, ожидавшие пиршественных объедков под столами, подскочили и вступили в драчку друг с другом. Кубки полетели со столов, так что пирующие едва успевали их подхватывать.

Отец мальчика сотрясался в смехе. Он схватил малыша на руки и подбросил к перекрытиям. Гости вторили родителю, они гоготали и галдели:

- Муж великий растет!
- С малолетства толк знает!
- А голосище-то!
- Смотри, описался, бороду тебе намочил.

Мальш заревел.

Ганя подскочила на кровати. Кажется, она все же задремала посреди ровного гула, но теперь внизу творилось что-то незаурядное. Со двора доносился вой ребенка – он был еще не настолько хорошо воспитан, чтобы молча терпеть, когда его уносят с праздника. Гости заходились в хохоте, собаки в лае.

Через минуту Клара вбежала в спальню с ребенком на руках. Она мурлыкала колыбельную, стараясь усыпить разгневанного сына, вырывающегося вернуться на пир ко взрослым. Женщина крепко обнимала его, ходила и ходила из угла в угол, напевая что-то нежное, совсем не такое величественное, как гимны и оды, гремящие внизу, но родное, чудесное: «маленькому мышонку в норке тепло, мама поцелует его нежно в лоб, маленький мышонок, глазки закрой, на руках у мамы скорее засыпай», одну за другой, все детские колыбельные про птичку и собачку, про дельфина и звездочку.

Ганя ждала, когда мама уложит ребенка в кровать, а сама сядет рядом с девочкой. Тогда Ганя обнимет мамино бедро, прижмется к ее теплему боку и наконец заснет.

Она крепко заснула еще до того, как мама усыпила ребенка. Малыш долго вырывался, вскрикивал, засыпал и тут же просыпался. Наконец он успокоился. Женщина положила сына в кроватку, подоткнула меховое покрывало ему под бок, подождала еще, чтобы он задышал ровнее, заснул крепче, и выдохнула – наконец ребенок спал.

Снаружи светлело. Полная луна на молочно-голубом небе освещала комнату через отверстие в крыше, озаряя деревянный сундук в углу, вазу у входа в комнату, склад белья на полу и фреску на противоположной стене. Изображение проявилось уже целиком: женщина несла чашу на вытянутых руках, увитых золотыми браслетами. Ее юбка ступеньками спускалась к полу, кудри обрамляли строгое сосредоточенное лицо, золотые гребни удерживали башню волос на макушке.

Сопение малыша разносилось по спальне. Женщина подошла к дочери, села на пол рядом с кроватью. Ганя спала в обнимку с меховой собакой. Мама погладила девочке лоб, отвела длинную, как у женщины с фрески, прядь, заслонившую лицо. Девочка так и не спросила у матери, кто была женщина на фреске, что означают орнаменты, украшающие чашу, и куда она несет ее. Она была воспитанной девочкой и не задавала взрослым вопросов, прежде чем взрослые сами заговорят с ней. А мама так ничего и не рассказала ей.

– Просыпайся, Ганечка!

Девочка открыла глаза. Она снова заснула? По лицу матери одна за другой скатывались слезы. Девочка прижалась лицом к мамину животу.

Мама гладила ее по голове, как козочку.

– Тише, тише. Одевайся. Набрось накидку поверх рубашки. Возьми сандалии, за калиткой наденешь, пойдём.

Она вытянула из груды одежды черную накидку, набросила поверх голов их обеих, потянула девочку наружу, в задние комнаты, по лестнице вниз, согнувшись и сжавшись, хоть они были далеко от стихающего под утро пиршественного зала, выскользнули по задней лестнице наружу. Они бежали по тропинке сада, ступая босыми ногами, лужеными пятками, по скольз-

ким холодным плитам. Они выскочили за ограду, проскользнули по острым камням, по тропе, легко, как овцы, вниз, быстро, бегом.

Праздник во дворе продолжался медленной песней о море, забравшем товарищей, о подводных девах, полюбивших их в морской глубине. Ганя выучила их порядок наизусть. Скоро большинство закончит пир и разойдется по двору, выискивая места для ночлега. Останутся только самые молодые, не напевшиеся, не намечтавшие о походах и подвигах. И ее отец вместе с ними, как хозяин, он должен сидеть за столом до последнего гостя.

А мама все тянула ее. Девочке казалось, она смотрит еще один сон. Куда они бегут, зачем? Хотелось остановиться, закутаться в покрывало, прижать к себе верную Айку. Но свежий утренний ветер, но скользкие камни, но рука мамы, слишком крепко сжимающая ее руку...

– Моя радость, тебе нужно уходить, сегодня, сейчас. Мне нужно... Принеси мне золотой гребень! Принеси золотой гребень, который сделает меня красивой. Я хочу быть самой красивой женщиной на земле.

Мама сняла с запястья витой золотой браслет с головой змеи, застегнула на руке дочери.

– Тебя ждут. Смотри, не теряй браслет, никогда не снимай его, держи.

– Мама!

На мгновение они остановились над обрывом. Внизу чернела лента пристани. У нее темными рыбьими силуэтами выстроились биремы гостей. Скромные рыбацкие фелюги лежали на песке, справа от больших кораблей. Женщина не остановилась над пристанью, но помчалась дальше, отыскивала тропинку между колючих кустов и спустилась вниз, в следующую бухту, все так же крепко сжимая дочь за руку. Неподалеку от берега на низкой волне качалась потертая шляпка. Тонкие искры поднимались со дна, танцевали между всплесками волн.

– Артур? – позвала мама.

– Здесь, госпожа.

Девочка подпрыгнула от неожиданности. Голос раздался вовсе не со стороны моря. Из-за камня позади них вышел огромный, словно гора, моряк. Он протянул к ней руку, вдвое толще рук и ног Гани. Лицо моряка было испещрено морщинами, черная накидка спускалась с плеч до ступней. Гора, черная гора, испуганно прижалась к маме девочка.

– Ветер благоприятный?

– Замечательный ветер, госпожа. Большие корабли в море не выйдут и по морю не пройдут. А мы домчимся за день и ночь.

– Слушайся его, Ганя, – мама прижала ее к себе, горячо зашептала на ухо: – К исходу следующей ночи ты пересечешь Беспокойное море. Доберешься до города, разыщешь там тетю Лену, мою сестру, а тебе тетю. Покажешь ей браслет, она узнает тебя. И попросишь у нее золотой гребень. Ты ведь хочешь, чтобы я стала самой красивой? Поможешь мне? А я передам им овцу, пусть ее кровь прольется на камнях. Они увидят невинную кровь, как хотели, никто не узнает, что ты далеко.

Руки мамы жгли девочку. Вся мама горела, обжигая дочь, не разбирающую и не понимающую половину ее быстрого, как ветер, шепота. Добраться до города, попросить гребень?

Другие сильные руки подхватили ее.

– Пора, госпожа, нам пора отправляться. Сейчас.

– Мамочка!

Но мама уже выпустила ее, разжала замок девочкиных рук на шее.

– Прощай, любовь моя, моя радость, свет мой, счастье, прощай!

Девочка всхлипнула на руках человека-горы. Моряк наклонился к колышку, держащему шляпку, одним резким движением выдернул его из песка, сунул девочке в руки веревку, привязанную к колышку, сам побрел, загребая светящиеся волны, к лодке неподалеку от берега. Одной рукой удерживая шляпку в равновесии, он осторожно опустил девочку на заднюю

доску. Затем перемахнул через борт, приземлился обеими ногами в лужу посередине шлюпки и выпрямился во весь рост.

– Боги благоприятствуют нам, госпожа. Мы выйдем из гавани и перейдем море. Мы доставим твою дочь в сохранности.

Женщина не шевелилась. Темным столбом, мертвым деревом она застыла на кромке воды.

Моряк уселся на передней скамье и, погружая весла в водную гладь, повел лодку за мыс. Девочка изогнулась на доске и не отрывала взгляда от высокой темной фигуры у берега, пока берег не скрылся из виду.

Женщина шла за шлюпкой, словно во сне. Слезы катились по ее лицу неслышно, невидимо под луной, спрятавшейся за облака, падали со щек в отступающую пену, в морскую воду, уплывали от берега вместе с тихой волной, догоняли уплывшую шлюпку, стучали в доски обшивки, торопились следом за дочерью, посылая ей жар материнской любви, следовали за ней, провожали еще долго после того, как шлюпка покинула бухту.

Наша история закончилась бы иначе, если бы не эта женщина. По правде сказать, наша история и не началась бы толком, если бы не она, во всяком случае, эта история, а не какая-то другая. Но, дав ей начало, дважды дав жизнь дочери – при рождении, как всякая мать, и в эту ночь, когда ослушавшись воли мужа, она вывела дочь из дома и посадила в лодку, следующую прочь, она развернула ход истории, разорвала сотканную старой ткачихой нить и связала иную, протянув эту нить от дальнего до ближнего берега Беспокойного моря.

Глава 2

Лодка висела над изумрудной бездной. Силы ветра хватало только на то, чтобы заигрывать с рябью на поверхности, словно они стояли на озере, а не на море. Берег давно скрылся из виду, другой не появлялся на горизонте. Солнце недавно село или собирается подниматься? Который это был день, которая ночь после ее бегства из дома? Время тянулось невыносимо долго. Время крутилось быстро.

Тогда, на рассвете, когда она только ступила на шлюпку, начинался отлив. Ветер поднимал ей волосы. Громада Артура темнела на корме. Он с силой налегал на весла, направляя лодку за мыс, в дальнюю бухту. Там стояла на якоре лодка побольше. Побольше шлюпки, намного меньше кораблей отцовских гостей у пристани.

Их ждали. Тонкие руки скинули с кормы веревку, Артур закрепил ее на носу шлюпки, поймал веревочную лестницу из двух ступеней и посадил Ганю. Лестница была мокрая и верткая. Девочка не сумела вскарабкаться по ней, но висела, схватившись за верхнюю перекладину, пока другие крепкие руки не подхватили ее и не втащили на палубу. Руки принадлежали женщине постарше ее мамы, одетой в колючую шерстяную рубаху, заправленную в шаровары с низкой проймой. Женщина стояла, широко расставив ноги, удерживая равновесие и придерживая Ганю за плечи, чтобы и та не упала.

Наконец, убедившись, что девочка держится на палубе, женщина отставила ее от себя и заглянула девочке в глаза. Улыбка омолодила ее иссеченное солнцем и соленым ветром лицо. Может быть, она на самом деле была и моложе мамы.

– Добро пожаловать на нашу Солю! Это лодку так зовут, Соля. Лодку называли в честь меня. Легко запомнить – лодка Соля, и я – Соля.

Может, она и младше мамы, но точно не умней, решила Ганя.

Огромный Артур уже забрался на палубу, и они вместе с мальчишкой, кинувшим канат и лестницу, поднимали шлюпку на борт. Это было трудным делом. Соля потащила девочку назад, к мачте, чтобы не мешаться им под руками.

– Давай, тяни, Бион, вправо забирай! Другое право, мое право, к левой палубе! – подбадривала она мальчишку. – Эх ты, горе луковое!

Лицо Биона покраснело, не то от усилий, не то от стыда. Покраснели сквозь загар шея и грудь. Он наклонил голову, так что челка скрыла лицо, и с силой дернул канат. Одет мальчик был в узкие штаны, лохмотьями спускавшиеся к коленям, ни обуви, ни рубахи на нем не было. Закончив со шлюпкой, он бросился к мачте, отодвинул от нее Солю с девочкой и поднял пожухлые рыжие тряпки парусов. Посреди главного паруса угадывался круглый рисунок, изображавший лицо или неразличимый круглый узор.

– Соля! – женщина гордо ткнула в парус.

Артур прорычал что-то с носа лодки, и Соля, выпустив девочку, бросилась к нему.

Лодка развернулась к выходу из залива и двинулась в открытое море. Артур держал штурвал, Соля и Бион носились по палубе, тянули канаты, расправляли и складывали паруса, выполняли важную работу, о которой Ганя не имела представления. Бион налетал на нее, Соля успевала останавливаться. Взяв девочку за плечи, она отвела ее в сторону, на ступеньки, ведущие в каюту. Девочка спустилась вниз и присела на какой-то сундук, но вскоре ее замутило, и она снова поднялась на палубу.

Лодочка была совсем маленькой. Поднимаясь по ступенькам, девочка ударялась о стены, внизу ее укачивало, а на палубе, где бы она ни встала, она мешала морякам.

– Солнце встает! – прорычал Артур.

Соля схватила девочку за руку, потянула за собой. Все выстроились на носу лодки. Артур держал штурвал, Бион встал от него по левую руку, Соля, удерживая Ганю за плечи, – по правую. Небо разгорелось рассветом: от пламенного прямо по горизонту к розово-желтому по краям и нежно-голубому по всему небесному куполу. Свет отвоевывал небо у тьмы.

– Яркий, живой, безмятежный и вечный, чья власть беспредельна, радостью и добротой ты озаряешь живущих всех на земле и на поверхности моря, – затянула Соля.

– Путник привычных путей, каждое утро ты встаешь над краем небес, играя лучами в воздухе и на земле, – басом подхватил Артур.

– Всех охватил твой свет, твоя светлая радость, – заключил Бион.

И они запели хором:

– Благодарны живущие, воздаем мы хвалу тебе, радуются наши сердца при виде тебя!

Пение пришлось вовремя – краешек солнечного диска загорелся над горизонтом, заиграл бликами на поверхности волн, расстелил золотую дорожку от края воды до лодки, ослепил Ганю потоком искр. Тяжелое аспидное море просияло сверкающей россыпью, даже морская пена потеплела над волнами.

С каждым мгновением солнце поднималось над горизонтом, всматривалось круглым широким глазом в необъятный простор. Вскоре оно затопило светом весь небесный купол, просиявший лазурью, погасило предрассветный пожар.

Бион помчался поправлять канат у паруса, Соля спустилась в каюту. Ганя, чтобы никому не мешать, залезла на верх перевернутой шлюпки у борта лодки и попыталась удержаться на вогнутой мокрой поверхности. Лодка уже подобралась к горловине залива, ее сильно закачало на волнах. Ганю снова замутило. Девочка закрыла глаза и невольно разжала руки.

– Эй! – Бион теребил ее, не давая провалиться в сон и свалиться со шлюпки. – Не нужно здесь спать, ты же сейчас на палубу слетишь. Открывай глаза. Стань лучше у мачты, держись за нее.

Его глаза были цвета сияющей лазури, как море и небо. Ганя крепко держала его руку, пока шла к мачте.

На нее накатывали поочередно дурнота и сонливость. Она прижалась к мачте, обхватила ее руками.

– Так нормально? – Бион недоверчиво смотрел на нее.

– Так хорошо, – слабым голосом ответила она.

– Бион! – раздался бас Артура.

– Или вот, стой тут, держись.

Она застонала.

– Ладно, – мальчик оторвал ее руки от мачты и направил Ганю к люку в центре палубы. – Хочешь спать – спускайся в каюту, ложись там. Сейчас уже в море выйдем.

Он помчался на зов родителя.

Во сне Ганя видела больших рыб, скользящих над головой. С колючих рыбьих плавников вылетали молнии, а она уворачивалась от них. Рыбы стремительно проносились над ней. Не глядя на Ганю, они разбрасывали пригоршни молний, как сеятель бросает горсть зерен на пашню. Молнии втыкались в плотный воздух рядом Ганей, все чаще, все ближе. А Ганя едва могла пошевелиться в вязком пространстве. Она ворочалась, пока не проснулась в поту и слезах.

– Айка, – девочка по привычке потянулась к меховой собаке.

Айки под боком не было. Не было привычной кровати, стены, на которой женщина несла чашу, не было ее спальни, не было мамы рядом с кроватью. Она висела в тряпчатом гамаке, подвешенном у деревянного борта, в общей каюте под палубой. Низкий пузатый бочонок темнел под противоположным бортом. В центре каюты, за столом, устроенном из сундука, сидели Соля и Артур. Их лица кривились и дрожали в свете свечи на столе. Ганя снова закрыла глаза.

Она была одна, с чужими людьми, посреди чужого моря на чужом корабле.

– Говорила я тебе, мороки от нее будет много, – скрипела морячка. – Девчонка зеленая вся, доберется, не доберется, сам как думаешь? То ее тошнит, то она бродит по палубе, едва за борт не валится. Обед проспала, к ужину не проснулась. Больная, что ли? Ишь, мать ее какая, сбагрила девчонку за дюжину монет!

– За две. Не зуди, это их дела, – пробасил Артур. – Две дюжины монет больше любой мороки. Нам подвезло и все тут. Дойдем до города, девчонку высадим, на ее деньги лодку починим, найдем команду, возьмем груз. Еще поднимемся, эх! Подумаешь, не поела денек. Ничего с ней не станется.

– Ты сначала дождись, что она начнет есть. Да дойди до города, умник. Оплату вперед, это ты правильно сказал. Да только как мы до города доберемся? Ветра нет, течения нет...

– Цыц!.. Я тут сто раз ходил, есть тут течение, пройдем! Может, не за сутки, как Кларе пообещал, но доберемся!

– Хитрая твоя морда! – надтреснутым смехом отозвалась Соля. – Уж ты выкрутишься, старый разбойник! Благородный мой! Мы еще с тобой попируем!

– Попируем, – подтвердил Артур.

– И вина элизейского выпьем, – лицо Соли в свете мигающей свечи казалось кривляющейся обезьяньей мордой. – Как на свадьбе пили!

– Выпьем, – Артур опустил кружку на стол. – Наступит наше время – и выпьем.

Ганя поправила браслет, врезавшийся в кожу, и выбралась из гамака.

Артур и Соля повернулись к ней.

– Как ты чувствуешь себя, девочка? – участливо спросила Соля.

Ганя поклонилась.

– Хорошо, спасибо. Холодно.

Она дрожала. Все, что было на ней надето – одна тонкая рубашка. Сандалии она где-то обронила, шерстяной плащ потеряла.

Соля с Артуром переглянулись. Артур поднялся, оперев руки в стол.

– Пойду схожу, паруса проверю.

Соля убрала кружки со стола и нырнула под крышку сундука.

– Вот, надень-ка, мои старые штаны и рубашка, – она протянула Гане тряпки неразличимого цвета. – А то нет, не дам, а посмотреть, смотри – мое свадебное одеяние, тебе такое не носись, – ухмыльнулась женщина.

Она достала из сундука платье с длинными рукавами. Ткань, когда-то, вероятно, белая, желтела в полусумраке каюты. Бусинки, составлявшие цветочный узор на груди и рукавах от плеч до пальцев, свисали на растрепанных нитках. Соля погладила рукав в сыпи сохранившихся бусин.

– Свадебное мое. Муж-то у меня, ты не смотри, что теперь такой, он царской крови. Подарок мне вот сделал – царское платье. Как мы веселились! Как плясали! Вино драгоценное пили, всех гостей угощали, – ее глаза затуманились. – Элизейское вино! Тогда Артур молодой был, на таком корабле за мной пришел. А я какая красавица была! Потом, конечно, море, соль, солнце... – она осеклась и заголосила, – солнце наш светлый могучий даритель, радость повседневная, свет приносящий...

Остановилась, вздохнула, жала руки девочки.

– Я, главное, доброй девушкой была, верной, само собой. Все ждала его на берегу, высматривала, когда же он мимо нашей деревни пройдет. Долго ждала. Наши все надо мной насмехались. И где они, насмешники? Ха! Там в деревне и остались. А я здесь, дождалась солнце моё. Пришел мой жених, добрый, ладный, складный, царских кровей, да еще сундук драгоценностей подарил. Принес и сказал, все жене моей будущей достанется. Позвал меня замуж и зажила я с ним, под мужниным кровом и попечением. – она замолчала и осмотрела Ганю с головы до босых ног. – Ты, девка, не смотри, что худющая такая, тож своего жениха дождешься.

Она убрала платье в сундук.

– Ну что стоишь истуканом, надевай штаны и рубашку, которые я тебе пожертвовала.

Штаны были вылинявшие, заштопанные на коленях и заду, мохнатые, теплые. В вязаной рубашке девочка совсем согрелась.

– Спасибо, – поклонилась Ганя.

– Главное, доброй девкой будь, тогда и жених добрый за тобой явится. А что ждать долго... Тебе сколько лет-то?

– Пятнадцать.

– Оно нелегко будет, чего уж. У тебя теперь ни кола, ни двора. Штаны вот мои старые бери, на тряпки хотела пустить. А так я добрая, тебе дарю. Тебя ж мать голой на улицу выставила, как ты в невестин возраст вошла. Будешь побираться теперь, пока жених за тобой не явится. Ты, главное, жди его, смотри, дождайся.

– Не нужен мне твой жених, не хочу жениха! Моя мама со мной!..

Ганя выскочила на палубу.

Она бросилась на кучу канатов на корме и зарыдала. Она, конечно же, не поверила глупой морячке, что мама ее выгнала. И жениха она никакого дожидаться и высматривать не будет. Но чужие люди, открытое море, качающаяся на волнах лодка... Она была одна в чужом непонятном мире.

Девочка плакала так долго, что забыла, отчего плачет, забыла, что с ней произошло и сколько времени миновало с их отплытия. Она, кажется, заснула там же, на канатах, а проснулась, когда над морем сгустились сумерки.

Лодка висела над глухой бронзовой бездной. Ветер теребил рябь на воде. Ни черточки берега на горизонте.

– Что ты сидишь? Всё сидит, всё смотрит! Поешь кашу хотя бы! – заскрипело над девчиной головой.

Перед ней появилась глиняная миска, из которой поднимался сладкий пар. Ганя равнодушно посмотрела на миску и отвернулась.

– Чего молчишь? Все поели уже. Вкусная каша, Артур две тарелки съел, Бион тож добавки просил.

Ганя глядела на легкие волны за кормой. День тянулся невыносимо долго. День промчался быстро.

Соля стукнула миской о палубу и, ворча, удалилась.

– Привет! – раздалось за спиной девочки.

Босые ноги крепко упирались в доски. К вечеру Бион приделся в вязаную рубашку тонкой шерсти. Соль въелась в рыжую челку.

Мальчик тряхнул головой, отбрасывая волосы. У него были теплые васильковые глаза.

– Хочешь фокус?

Глаза Биона сияли. Ганя уселась спиной к мачте и обхватила колени.

– Смотри, – он протянул ей крошечный черный шарик, простую каменную горошину, покрутил между пальцами. – Угадай, в какой руке?

Она указала на правый кулак. Он разжал руку, горошины там не было.

– Думаешь, в этой?

Он разжал второй кулак. И там не было ничего!

Ганя смотрела с изумлением на распахнутые ладони. Она дотронулась до правой. Ладонь была твердой, в коре старых мозолей.

– А вот он где!

Он потянулся к ее уху и достал горошину из-за ушной раковины.

Ганя засмеялась. Она раньше не видела этого фокуса.

– А ты уже бывала на корабле? Далеко от дома забиралась?

Бион протянул ей найденный за ухом шарик. Ганя покачала головой.

– Нигде не была, только дома.

– А мой дом – лодка. Я бы ушел подальше от родителей, да и с ними, если далеко. Но она далеко не ходит, без гребцов, без команды. Только взад-вперед по Беспокойному морю, – он вздохнул. – Это оно сейчас такое гладкое, – добавил он в ответ на удивленный взгляд девочки. – А бывает, такие бури гремят! А уж в старые времена, когда русалки и тритоны, ой-ой-ой! Огненные фонтаны прямо из моря! Трах-шарах! Бу-бум! Ого-го!

– Бион! – зарычал из каюты отец. – Быстро за руль, негодник!

Бион подскочил.

Ганя протянула шарик ему. Красивый, конечно, но хранить негде. Но мальчик вложил шарик ей в руку и показал на змейку на браслете. Ганя поднесла горошину к пасти змейки, зубки щелкнули, ухватывая добычу. Бион подмигнул девочке и помчался к рулю.

Голова Артура показалась из-за мачты.

– Где этот паршивец?

Ганя пожала плечами.

Артур свирепо посмотрел на нее и исчез на носу лодки.

Ганя смотрела, как звезды загорались в вышине одна за другой, а небосклон чернел. Граница между водой и небом пропала, лодка висела в аспидной тьме, в редкой россыпи светящихся искр: звезды, светляки, отражений капель... Вода светилась тысячью искр, уколов небесной ткачихи, заживляющей шрам на коже моря после прохождения корабля. Искры покачивались, плыли, подмигивали наверху и в глубине. Луна выглянула из облаков, и мягкие складки воды пустились в танец вокруг алмазной дороги, проложенной на другую сторону Беспокойного моря. Скоро Ганя окажется там, скоро, скоро ступит на землю.

Взошла луна и разделила космос на море и небо, на волны и ветер, на тени и облака. Волны шелестели о борт лодки. Корабль замер на перекрестке дорог, во власти серебряного свечения, влажного ветра, шума соленых слез.

Ганя улеглась на палубу лицом к луне. Она закуталась в шерстяную накидку, которую дала ей Соля, но все равно дрожала, от холода или усталости, глядя, как звезды катятся по небосклону слезами лунной коровы. Ветер гладил ей щеки, звезды перемигивались в вышине. Луна качалась над головой, как колыбель, нитями небесного шелкопряда привязанная к столбам по обе стороны моря, между пропастями, умощенными светом.

Впервые после прощания с мамой девочка вздохнула свободно и глубоко.

Нет, она не собирается сидеть и ждать жениха. Какого-то чужого человека среди множества чужих людей, который будет так добр, что поделится с ней кровом и, чем там еще Соля обещала, он с ней поделится? Ни за что! Скоро они пересекут спокойное Беспокойное море. Она найдет тетю, спросит у нее гребень, который велела привезти мама, снова пересечет море – и будет дома. Сколько еще дней пути, сколько дней до возвращения? Два? Три? Пять?

Над головой девочки прозвучал тонкий смех.

Глава 3

Ганя подняла глаза. Прозрачные облака проносились перед сияющей лунной поверхностью. На полукружии луны мелькали тени – ветки деревьев, всполохи огня, чьи-то лица появлялись и пропадали из вида. Строгое лицо мамы возникло на мгновение. Ганя вскинулась – нет, не строгое, мама смотрела спокойно и грустно, нет, ничего нет, исчезло. Незнакомые тени.

Снова раздался смех.

– Кто ты? – прошептала девочка.

– А ты-то кто-то? – тонкий звон пробежал по морской ряби. – Ты-то кто-то такая?

– Я Ганя.

– Яна-ана-ага-га... – зазвенело в ответ.

– Где ты живешь? – спросила девочка.

– Где-то, тебе-то, где-то, над небесами, то мотыльками, то травами, то густыми лугами...

– Ты на луне сидишь, да?

– Да, не, да лампе луне, – звенело со всех сторон.

– Спой мне песенку, – попросила Ганя, укутываясь в покрывало.

– Пекарь ехал через реку, на мосту ступил в козу, на карету сел скрипач, грач с врачом несутся вскачь. А на нашем пустыре стоит всадник на метле. За калиткой зайцы воют, мышшь лисицу не догонит, притворяется скрипач, что вернет корове мяч.

– Это глупая песенка, – поправила его Ганя. – Спой мне другую.

– Слушай, шалун, как барашек скакал, в позднюю пору с ворот ускакал, рыжих лошадок на бой созывал, ласковых фурий, веселых собак, пусть потеряется в море рыбак, змеи на флейте хором свистят, медведи по морю на жабе летят, свалятся под лестницу, о корягу треснут. А корова поскакала, всех шакалов обогнала, провалилась в трещину, дала ужу затрещину. Лодка ускользнет в пожар, колокольчик возмужал, потеряется браслет, ускорится бег лет. Размешайся, пыль со льдом, налетайте, вор с дроздом, черные, мятежные, из гнезд улетевшие, назад дорогу не найти, только крылья обрести. Тридцать саженей насмарку, тридцать суток наизнанку, негодяй на сковородку, выпускай в полет селедку, в сене гребень не найду и в тюрьме не пропаду, яд на ягоду, тушу тянут-то, на шкуру свежую, по побережью. Дикий народ, за горой живет, грязью очищается, прясть приучается. Только боком краб на елку, еж гоняет перепелку, уж навскидку с коромыслом, ковыляет жук без смысла, мышшь на камыш, шиш на бакшиш, день на небыль, песнь на убыль. Ганя не понимала половину слов, которые пел лунный голос. А уж вязь слов оказывалась такой перекрученной и спутанной, что пыталась проследить за нитью, девочка сама запуталась. Она вздохнула и закрыла глаза, погружаясь в сон. Серебряный смех все звенел над водой.

– Через зеркало лети, в тине тайной шелести, гриву не трожь, шерсть не тревожь, в омуте рыж, песню услышь, чешуйчатые крылья, заснули на безрыбье.

Луна поднялась над морем. Девочка крепко спала.

Глава 4

Ее разбудил крик и звуки ударов. Во сне она играла с Айкой в мяч на лугу, заросшем высокой травой с белыми созвездиями цветов асфodelий. Айка носом отбивала мячик, отбрасывая его к скалам, бросающим на траву плотную аквамариную тень. Мячик с гулким стуком отлетал обратно на собачий нос и снова отправлялся на скалу, с каждым разом все выше и выше. И сама Айка росла с каждой подачей. Ее шерсть поднималась густыми зарослями, колючими кустами, дремучим лесом. Ребра вздымались, словно утесы, вровень со скалой. Грузные прыжки сотрясали луг, когти прорезали борозды в земле, открывая влажную, исходящую паром, как дыханием, почву под слоем травяной кожи. Земля оседала под тяжестью чудовища, покрывалась паутиной трещин, оврагов и ям. С боков огромной собаки стекал ручьями пот и заливал луг. Вода уже подступала к ногам девочки.

– Ганя! Ганя!

Девочка озиралась на голос. Это мама зовет ее? Чудовище скакало все ближе, грозя раздавить девочку. Земля расходилась, обнажая белые, словно кости, камни. Ганя скатилась в овраг под лапу чудовища, в холодную лужу, натекшую с его шкуры.

– Ганя! – кто-то больно потянул ее за волосы.

Девочка закричала и открыла глаза.

Струя воды захлестнула палубу. Мирно спавшее море пробудилось в громе и молниях, в ярости и гневе. Бездна поднималась на поверхность, поверхность ныряла в бездну, в бурной круговерти глубина сходилась с вышиной, горизонт дробился на отдельные брызги, сеял визг, рев, мельтешение.

Бион кричал ей, чтобы она схватилась за что-нибудь, за что угодно, и держалась, держалась крепко, изо всех сил. Сам он перебирал руками вдоль борта, направляясь на нос лодки. Гудел в ярости Артур, визжала Соля, стучала о борт надтреснутая мачта. Грохотал гром, море лаяло обезумевшим щенком, разрывая уши.

Ганя пролезла внутрь клубка канатов, ухватилась покрепче, и в этот миг корабль подлетел в воздух. В сиянии молний лодка парила меж облаков, густых и спутанных, как овечья шерсть. Ганя внутри канатов, как птенец в гнезде, взлетела над досками палубы и мягко приземлилась обратно. Она находилась в том провале между бодрствованием и сном, когда все воспринимается резко и живо, но как бы со стороны. Она глядела вокруг впечатлительным, но сдержанным наблюдателем, не желая участвовать в чудовищном чужом столкновении.

Девочка видела, как холодная вода прокатывается по палубе и забирается внутрь ее гнезда. Холодные, спокойные мысли вползали ей в голову. Она не смогла. Она не сможет выполнить мамино поручение, никогда не доберется до другого берега и не принесет маме гробень. Это была успокаивающая мысль – ей больше не нужно было мчаться в неизвестность, к чужим незнакомым людям, просить у них что-то непонятное, добиваться от них чего-то непонятного, чего они не знают и делать не хотят. У нее не получилось с самого начала. Она в самом деле оказалась маленькая, глупая, слабая. И пусть. Ей было холодно и безразлично.

Ганя закрыла глаза и вернулась на луг к Айке, в аквамариную тьму, залившую асфodelии. Пока Ганя отвлекалась на ураган и морскую бурю, Айка продолжала расти. Она выросла уже со скалу, подпирающую облака. Она нажимала на камень, грозя обрушить его и погresti под каменной крошкой луг, цветы и саму Ганю. Гигантская собака ударяла камень, толкала, давила и напирала на него косматыми лапами, выворачивала землю с корнями травы, в ярости отбрасывала влажные холодные комья. Скала рушилась кусок за куском, валилась на луг рос-

сыпью острых осколков. Куски камня поранили чудовище, и оно завизжало тонким щенячьим визгом.

Ганя позвала свою Айку. Чудовище обернулось, оскалило мокрую пасть и прыгнуло прямо на девочку. Тень от гигантской собаки накрыла ее, сдавила дыхание. В последний момент Ганя откатилась вбок от летящей на нее собаки. Падение потрянуло и стерло из вида асфоделевое поле. Девочка лежала на палубе, на куче канатов. Сожженная молнией мачта свалилась рядом с ней, придавив Артура. Он ничком валялся на досках, раскинув руки, словно пытался удержать на весу всю лодку. Под Артуром, спасенный от удара мачты, покоился драгоценный бочонок. Артур вытащил его из каюты – бочонок, не жену, не сына, самое важное, о чем он беспокоился в ураган, последнее сокровище, оно отправится в бездну вместе с ним.

Ганя схватила канат и, обмотав вокруг себя, привязала другой конец веревки к крюку люка. Это помогло ей удерживать остатки равновесия на палубе. Но сама лодка уже включилась в танец, который танцевало море и все его обитатели. Лодка подскакивала, взлетала, тянулась на цыпочках до вершины волны, дотягивалась и довольная ныряла вниз.

Ганя слышала несмолкаемый, тонкий, словно бы щенячий визг. Она видела тварей, роящихся в морской глубине. Она видела беспечных рыб, захваченных кружением бури. Она видела узор их серебристых чешуек, изменчивый, как лунный калейдоскоп. Она видела других морских существ, чудовищ, с когтями и жалами, со щупальцами и хвостами, шелкающими по воде, словно плети. Она замечала вытаращенные глаза, словно умоляющие ее о помощи, глаза этих ужасных существ, зубастых, шипастых, клыкастых.

Она видела, как волна дотянулась языком до Биона и подняла его над водой. Она видела, как в глубине трюма тяжелый сундук погрузился в воду вместе с Солей, даже в беспомощности цепляющейся за его крышку. Трещина в глубине трюма разошлась шире, вода заполнила дно трюма, потеревила с любопытством Солю, перевернула сундук и распахнула его. Да волна ли это, такая любознательная?

Гане почудились или она разглядела ряд круглых присосок под пенным гребнем, или это было щупальце морского чудовища? В хороводе теней и всплесков в морской глубине, за пробоиной в трюме, куда соскальзывал сундук, она различила зубы в два, нет, в три ряда, сверкающие остриями, частыми, как у гребенки, длинными, как у быстрой стрелы. Основания зубов терялись в гуще моря или в глубине огромной пасти, она увидела их только на миг, едва различив среди водоворота и обломков корабля, прежде чем они пропали из вида.

Волна изогнулась над лодкой длинной косматой шеей, еще одна поднялась следом, и еще одна, покрытая спутанной черной шерстью. Когтистые медвежьи лапы схватили корабль, как мячик, перебросили с одной ладони на другую, дальше, еще на одну, больше двух, больше трех, больше шести ладоней, играющих с кораблем, как с погремушкой. Обломки мачты вздымались из волн, шлюпка, на которой Ганя с Артуром добиралась до корабля, соскользнула с кормы и провалилась в распахнутую зубастую пасть, да, это пасть, Ганя разглядела тонкие частые зубы, уходящие корнями в глубокую тьму. Это медвежья пасть! За ней поднимались косматые плечи, а за стеной из плеч изгибалась еще одна шея и раскрывалась еще одна пасть, и еще одна, и еще... В неумолчном щенячьем лае лодка накренилась и, задрав нос к небесам, медленно сползла в бездну. Артур вместе с бочонком полетели в ближнюю пасть. Соля медузой колыхалась на волне, ее старое свадебное платье выплыло из кучи одежды распахнутого сундука, накрыло несчастную колоколом, от лица до ступней, и вместе с ней сползло в пропасть, исчезло в морской тьме.

Косматая волна, несшая на гребне Биона, услужливо подсуло тело мальчика в разинутую пасть. Ганя открыла рот для крика, но вода обступила ее со всех сторон. Она провернулась в обмотанном вокруг тела канате, выпустила конец веревки из рук, взмыла на вершине другой косматой волны и, соскользнув по ее шершавой шее, полетела в распахнутую острыми зубами пещеру. За схлопывающимся проемом пасти в последний миг она различила грозное небо,

седые облака, башню, разлетающуюся на отдельные камни, хвостатую комету, прорезающую бархат небосклона и оставляющую за собой горящий огненной пылью след, и брызги звезд, расцветающие кудрявыми асфоделиями на густом аквамариновом поле. Пасть схлопнулась, темные брызги потушили всполохи звезд и цветов. Наступила тьма.

Глава 5

Ганя оказалась отрезана от всего на свете. Она сжалась в комок, закрыв голову руками, ожидая, когда ее будут перемалывать острые зубы. Но чудовище не торопилось жевать ее – она ведь уже провалилась внутрь пасти, за страшную пилу челюсти, поняла Ганя. Тут было влажно и тепло. Течение влекло ее по склизкому полу вглубь, в узком желобе, в углублениях между костями. В ушах у девочки шумело, особенно когда она ударялась о стенки желоба. В нос ей бил запах гниющих водорослей и тухлой рыбы. Ганя схватилась за кости, идущие, словно перила, вдоль прохода, от пола до высоты ее локтя, и приподнялась над потоком, стараясь удержаться на месте.

Она находилась в огромной пещере, озаряемой тусклым зеленым светом от клочков водорослей, растущих по стенам и на стыках белых костей. Их света хватало только на близкую окрестность. Потолок пещеры терялся в темноте. Перила, подобные тем, за которые держалась девочка, проходили на близком расстоянии по всему полу и уходили вдаль, насколько она видела. По всем желобам текла вязкая жидкость, зеленая в свете водорослей. Потоки несли вглубь пещеры отбеленные кости, обломки ракушек, палки с острыми краями и даже один ржавый якорь. Ганя вскрикнула – ей показалось, в одном из желобов был человек, он взмахнул рукой и скрылся в темноте.

Ганя встала на четвереньки. Пол был скользкий и мягкий, слегка проседающий под ее тяжестью. Ни следа человека. Только морской мусор полз по желобам. Из глубины пещеры доносился рокот воды и еще один неясный звук, совсем не понравившийся девочке. Она поползла против течения, но в этот момент пол трянуло, девочка упала и чуть не захлебнулась. Течение утянуло ее дальше, в глубину, навстречу грохоту падающей воды.

Она попыталась снова ухватиться за перила, но те вдруг разошлись в стороны, выбросив Ганю на илистое мелководье. Слева и справа от нее вода продолжала струиться в желобах, а тут, по центру пещеры, пол поднимался над течением. Ганя встала на ноги. Впереди светился теплый красный огонек. Девочка направилась к нему.

Болотце под ногами превратилось в отдельные чавкающие лужи, затем в сухой мох, затем в россыпь ракушек, хрустящих под пятками. Здесь было еще темнее, чем у входа в пещеру. Светящиеся водоросли пропали. Шуршал песок, хрустели мелкие кости, ракушки и деревяшки.

Через несколько шагов она почувствовала под ступнями траву. Ганя споткнулась о крупный камень, остановилась, прислушиваясь. Вода грохотала, рушась в пропасть совсем близко, впереди, за оконечностью островка. Непонятный шум стал яснее. Это было похоже на то, как если бы какое-то крупное животное, даже два, по обеим сторонам островка, старательно полоскало горло.

На щеках девочки оседал пар. Она различила в свете огонька узоры извилистых лап кустов и деревьев. Тень скользнула перед ее лицом, коснувшись щеки быстрым шероховатым крылом. Ганя вскрикнула.

Огонек впереди мигнул, раздался стук костей, и трава закрипела под тяжестью шагов. Огромная тень полностью скрыла свет. У тени была туша колоколом и не меньше шести лап, спускавшихся до земли. Под колоколом шевелились еще лапы. Или щупальца. Или длинные шеи, протянувшиеся от головы до земли, до берега, где они завершались острозубыми пастьями, издающими низкие полоскательные звуки.

Ганя заслонила лицо руками. Одно из щупалец коснулось ее макушки. Оно с шипением вытягивало и выдыхало воздух. Чудовище провело щупальцем по голове девочки, спустилось по руке, нащупало на запястье браслет со змеиной головой. И растворилось в темноте. От него остался запах, рыбный запах, но не противной гнилой рыбы, а словно бы отваренной с терпкими травами.

Ганя убрала руки от лица. Когда она ела в последний раз? Дома? Сколько дней назад это было? Сколько она прошла с тех пор? Сколько переплыла?

Она стояла в шаге от шалаша, сооруженного из кривых веток и прутьев. Он был высоким, наверно, вдвое выше девочки. Изнутри шалаша, от пола, шел теплый свет. В проеме виднелся очаг, выложенный крупными камнями. Стены шалаша были сложены из дерева и высушенных костей, перевязанных водорослями. В чередовании темного и белого, кривых линий деревяшек и костей, угадывался сложный узор, подчеркнутый ключьями серо-зеленых водорослей. Узор повторялся на небольших расстояниях и складывался в рисунок по всей стене. В тусклом свете от очага Ганя не разобрала, что или кого он изображает.

Перегородок внутри шалаша не было, он конусом поднимался от пола до вершины. Помещение казалось просторным, хотя стоя рядом с очагом, девочка могла дотянуться до стены. У стен громоздились ящики с резными деревянными дверцами, рисунок на которых продолжал узор на стене. Между ящиками громоздились непонятные сооружения, похожие на ежиков, сплошь палки, колючками торчащие в разные стороны.

В очаге светились угли и горячие камни. От них поднималось тепло и густой травяной аромат. В треноге над очагом висел котелок, где варилось густое, булькающее месиво. От него исходил тот же замечательно вкусный запах рыбы, который остался после чудовища. На плетеном коврике поблизости от очага стояла глиняная миска.

– Добрый человек, – позвала Ганя, но спохватилась.

Какой еще человек? Тут живет чудовище с сотней щупалец! Ест ли чудовище рыбу? Разумеется, ест, что же ему еще есть посреди моря! Готовит ли оно рыбу с приправами на очаге внутри шалаша? Ганя не была знакома ни с одним чудовищем, чтобы знать их поваренные книги. Что она знала – что ноги уже не держали ее. Если бы не шалаш, она упала бы без сил там, где стояла, в луже, на болоте, на песке с костями и корягами.

Она опустила на коврик и зачерпнула полную миску супа из котелка. В супе плавали куски рыбы, аккуратно очищенные от чешуи и костей. Ганя в одну минуту проглотила полмиски, едва прожевывая крупные ломти и давясь обжигающей жидкостью. Крупинка острого перца попала ей в горло, она чихнула и подняла глаза от миски.

На коврике напротив нее сидела женщина. В одной руке она держала миску, такую же, как у Гани. Женщина аккуратно ела суп ложкой, не запихивала куски в рот пальцами, как девочка.

Это была полная, даже чрезмерно полная женщина с длинными седыми волосами, уложенными в косы. От шеи до ступней ее тело покрывал просторный плащ. На пройму плаща, его подол и продольные швы были нашиты ракушки. Косы женщины спускались по плечам до пола, словно ручьи между ракушечными островками. Когда она двигалась, ракушки касались друг друга, издавая костяной перестук. Она выглядела такой спокойной, уютной, домашней, настоящей хозяйкой, наслаждающейся приготовленным блюдом, ее главным и единственным занятием в этом странном доме.

Глаза Гани слезились от дыма из очага. Ей показалось, женщина отражается на стене шалаша. Узор ее плаща с ракушками словно повторял рисунок на стенах. А может быть, вспомнила девочка, и сочетания линий и пятен на стенах и дне огромной пещеры снаружи шалаша тоже повторяли тот же узор. И этот рисунок, присмотрелась она, этот рисунок из линий и пятен складывался... Если расслабить взгляд, если смотреть не прямо, но на точку в промежутке между женщиной и стеной, рисунок складывался во что-то определенное, что-то узнаваемое...

Хозяйка подняла взгляд от миски. Ее глаза сверкнули красным.

– Понр-равилаь р-р-рыба?

– Спасибо, добрая госпожа, за уют, за угощение, за утешение. Это самая вкусная рыба, которую я пробовала, – искренне произнесла Ганя.

– Р-рыба бар-р-рамунди, – расцвела хозяйка, – р-рецепт собр-ралась пр-р-росить?

Ганя в самом деле хотела спросить, из чего приготовлен суп, хотя бы понимать, что она съела. Там явно плавали овощи, чувствовались травы, но какие? Где хозяйка пещеры их добывала?

– Суп просто обедение, – сказала Ганя. – Можно узнать его рецепт?

Сверкнул ряд острых зубов. Женщина засмеялась.

– Спер-рва откр-рой пр-розвище. Откр-рвенно откр-рой.

Девочка не стала отказываться.

– Меня зовут Ганя, добрая госпожа. А тебя как зовут?

Сама вежливость требовала спросить имя у человека или иного существа, спросившего твое имя. А Ганя была вежливой девочкой, даже когда разговаривала с чудовищами.

– Скир-ра, – прорычала женщина. – Пр-розвище – Скир-ра. Хо-рошо, тепер-р-рь р-р-раскажу р-р-рецепт.

Она опустила миску на пол, выпростала руку из рукава плаща. У нее были длинные-длинные ногти. Хозяйка повернулась с удивительной для такого толстого тела гибкостью, выхватила рыбину из ящичка в углублении у стены и принялась разделять ее здесь же, перед очагом.

– Бер-решь мор-рскую р-рыбу, огр-ромную, огр-ромную р-р-рыбу бер-решь, потр-рошишь, р-режешь. Р-рыбу вар-ришь в кастр-рюле, пр-рибавляешь кр-реветки, гор-рсть, др-ругую кр-рошечных кр-реветок, пер-ремешиваешь... Бер-решь кор-рни сельдер-рея, стр-ручки гор-роха, мор-рковь, петр-рушку, р-рубишь, вар-ришь с р-рыбой. Вар-ришь, вар-ришь, вар-ришь... Смотр-ришь, пар-р-р... Пр-рибавляешь пер-рец, бр-росаешь в кастр-рюлю четыре кр-рошки кр-расного кр-р-рокуса. Остор-рожно, др-р-рагоценность! Кр-рокус! Тр-рудно р-раздобыть! Пр-редставь, чр-резвычайно тр-рудно р-раздобыть! Собр-рать! Пр-риготовить! Тр-рудно... Ур-рфх. Тепер-р-рь пр-практически пр-риготовили. Дер-ржи, р-р-размешивай повар-решкой, пр-робуй!

Она протянула Гане поварешку. Девочка послушно помешала суп и налила немного в свою чашку.

– Востор-рг! Пр-рекр-р-расно! Пр-ревосходно!

От смущения она сама заговорила, как хозяйка.

Та снова засмеялась.

– Хор-рошая Гар-р-ня... Хор-рошая...

Ганя открыла рот, чтобы спросить, где хозяйка добывает морковь и сельдерей, а также прочие овощи и приправы для супа, как за пределами шалаша что-то заскворчало, забулькало. Скирра метнулась, но не наружу, а к колючему сооружению у стены шалаша.

– Что случилось? – вскрикнула девочка и осеклась. Ее ведь учили: никаких вопросов старшим, пока сами не обратятся.

– Кр-рупный звер-рь пр-рилетел, – спокойно ответила хозяйка, вращая торчащие из ежика рукоятки, как рычаги. Она словно бы не заметила оплошности Гани. – Четвер-ртый р-раз за вечер-р-р, кр-рупный звер-рь пр-рилетел в тр-р-рубу.

Чавкающие звуки заполнили пещеру. Четвертый зверь за сегодня? Крупный? Может быть, это человек, испугалась Ганя. Наверно, это Бюн, или Соля, или Артур, какой еще несчастный мореплаватель попадет в пасть чудовищу! Что с ним будет? Чудовище его слопает? Вряд ли супом угостит??

Скирра крутила рычаги обеими руками. Косы летали вокруг ее головы, как щупальца. Звуки чавканья стали тоньше, поднялись до всхлипов. Мокрый кашель сотряс пещеру. Коте-

лок взмыл над очагом. Ганя бросилась к котелку – не перевернулся бы, там ведь суп с драгоценными крупичками крокуса. Она схватила горячую посудину обеими руками.

К этому времени громовой кашель смолк, пол перестал подпрыгивать и только дребезжал под ногами. Скирра прекратила вращать рукоятки. Ганя осторожно опустила кастрюлю на перекладину над треногой.

– Пр-роскочил напр-рямик, выбр-рался нар-ружу, мор-ряк хр-ренов!

Она уселась на коврик и посмотрела на Ганю, кутающую ладони подмышками.

– Р-руки? Гор-рячо?

– Я держала суп, там был драгоценный крокус!

Скирра повернула Ганины руки ладонями вверх, подула ей на волдыри. Затем она достала пузатую плошку из еще одного сундука под стеной, сняла слой воска с поверхности и намазала липкой, чуть светящейся мазью обожженные ладони девочки. Кислый запах ударил Гане в нос, ладони зашипало, по ее щекам покатались слезы.

Хозяйка заглянула девочке в глаза.

– Р-р-рыдаешь тепер-рь? Кастр-рюля гор-рячая, не р-рыдала, а тепер-р-ь р-рыдает! – засмеялась она. – Пир-рог попр-робуешь?

Теперь от нее пахло сладким пирогом с абрикосами. У Гани уже не было сил спрашивать, откуда в подводной пещере взялся пирог, да еще и с абрикосами. Она кивнула, и хозяйка укутала ее обожженные руки тряпочками, усадила девочку у стены и накрыла покрывалом с узорами. В руках Скирры появилось блюдо с пирогом. Она стала с ложки кормить девочку.

– Спасибо, – прошептала Ганя.

– Р-раствор-р-р, пр-рихлебывай, хор-рошо.

Скирра поднесла к губам девочки тугой прозрачный мешок. Ганя сделала один глоток – и тут же уснула. Во сне она прижималась к мягкому, теплему боку хозяйки и снова видела Айку, уже не огромную и страшную, но как прежде, пушистую и родную. А хозяйка обнимала ее, гладила ей волосы и мурлыкала, как кошка.

Согревшаяся, накормленная, убаюканная, Ганя спала в глубине подводной пещеры, в обнимку с чудовищем, приводящим в ужас моряков и путешественников.

– Тепер-рь р-раскажи. Р-раскажи о бр-раслете.

Скирра сидела спиной к девочке, раскладывая по полу ракушки. Время от времени она наклонялась, присматриваясь к получившемуся узору, и перекладывала ракушки заново. Ганя приподнялась с узорчатого покрывала.

– Р-рассказывай, – приказала Скирра, не оборачиваясь.

– Моя мама родом из Лаконии, – в горле у нее пересохло, и слова вылетали наружу короткими сухими хлопьями. – Ее зовут Клара. Мой отец правит в Арголиде. Он царь там. Декаду назад к нашему берегу прибыли гости. Отец с мамой принимали их. Гости пировали каждую ночь. Они сидели во дворе и пели песни. Они пели о красавице, которую видели много лет назад. У нас в доме, не о моей маме, о другой женщине. Тогда мама отправила меня через море, чтобы стать такой же красивой, как та женщина. Ах да, браслет! Мама надела браслет мне на руку, чтобы тетя узнала меня, когда я приеду в город на другом берегу моря и попрошу гребень, чтобы мама стала красивой. Тетя отдаст гребень, и никакой гость не будет петь о другой женщине, когда мама сидит с ними рядом за столом.

Скирра выложила из ракушек вытянутую спираль, подумала и добавила пару ракушек в горловине. Ее косы расползались по полу вокруг. В воздухе стоял густой ароматный пар, глаза у Гани слезились, но она продолжала рассказывать. Она рассказала, как попала на лодку и познакомилась с моряками, и как они сначала отплыли от берега, а потом встали посреди моря, без ветра, без движения по гладкой воде, и как Соля дала ей штаны и рубаху, показала свое свадебное платье и рассказала о женихе, а Ганя сказала ей, что не хочет замуж, а хочет

домой, и как Блон показал ей фокус с камешком и вложил его в браслет, а лунный человек говорил загадками, которые она уже позабыла.

Ганя собралась рассказывать дальше, и тут снаружи раздался оглушительный рев.

Девочка вздрогнула, но Скирра продолжала, как ни в чем ни бывало, раскладывать ракушки.

– Сестр-ра ор-рет. Гар-рида пр-розвище. Стр-радает.

– Почему страдает? – спросила девочка у чудовища, позабыв о том, что младшим негоже задавать вопросы старшим.

– Кор-ряга застр-ряла, – пояснила Скирра.

Она повернула багровое лицо к девочке.

– Хор-рошая Клар-ра. Кр-расивая?

– Самая красивая! – закивала девочка.

– Хор-роший бр-раслет подар-рила, отпр-равила Гар-рню за мор-ре, гр-ребень р-разыс-кать? Кр-расивая?

Ее косы встали дыбом над головой, продолжая узор на стенах шалаша. Линии, пятна, точки... Рисунок сложился... Ганя увидела, узнала ее! Изображение сложилось в огромную морду с клыками, с крошечными глазками и маленькими круглыми ушами над мохнатой головой... Конечно же, это медвежья морда! Медведь пошевелился, растянул острозубый рот в усмешке. Ганя закричала, подскочила на постели. И стукнулась головой о стену шалаша.

– Пр-роснулась? Кр-ричишь? – повернулась к ней женщина.

Сидя на коврике, Скирра помешивала поварешкой в котелке. По комнате разносился запах сладкой молочной каши.

Никакого спирального узора на полу не было.

Так это был сон? Ганя ничего не рассказывала доброй хозяйке о себе и маме? И снаружи никто не ревел?

– Доброе утро! – сказала девочка.

– Добр-рое! – Скирра протянула ей миску. – Дер-ржи! Гр-рызи!

Снаружи донесся усталый больной рев. Пол дрогнул крупной дрожью и опустился.

– Коряга застряла! Я сейчас, – девочка отставила миску и выскочила в проем шалаша.

Над островком, у границы песка и болота, с потолка свисала огромная коряга. Ее верх терялся в темноте, а нижний край был слишком высоко, чтобы Ганя могла допрыгнуть. Она попыталась, но упала на песок, так и не коснувшись дерева.

– Пр-рыгает, пр-рыгает...

За ее спиной раздался костяной стук ракушек и тяжелые шаги. Скирра волокла что-то по песку. Ганя обернулась. Только сейчас она заметила, что Скирра на полголовы ниже ее. Расписной плащ спускался к земле, скрывая полное тело. В руках Скирра держала раскладную деревянную лестницу.

– Пр-рыгает, пр-рыгает... Стр-ремянка! Забир-райся!

Девочка взбежала по ступенькам. Теперь низ коряги был на уровне ее лица. Она видела темные капли, текущие по дереву.

Ганя ухватила за корягу повыше, где только могла достать, и потянула на себя. Коряга не поддавалась. Ганя рванула сильнее, земля вздрогнула, и в тот же миг девочка потеряла опору. Лестница выскочила из-под ее ног и упала на землю. Ганя висела под куполом подводной пещеры, держась только за корягу. Ее руки сползали по стволу, останавливались, наткнувшись на сучки, и скользили дальше. Повязка слезла с ладоней, и ожоги вспыхнули резкой болью. Ганя не могла даже перехватить руки, только сползала и сползала навстречу усеянной камнями и острыми костями земле. Коряга поддалась немного и поползла наружу из купола. Ганя забила ногами в воздухе – и, о радость, заново нащупала ступеньку. Скирра подхватила стремянку, подняла ее и подставила девочке под ноги.

Встав на перекладину, Ганя вдохнула влажный холодный воздух, осторожно потянула корягу, поворачивая по ходу сучков, надеясь, что очередное движение не заставит чудовище содрогнуться снова. И чудовище, казалось, почувствовало, что они стараются помочь, и не шевелилось.

Коряга поддавалась. Она все больше вылезала из потолка пещеры и все большей тяжестью ложилась Гане в руки. Ганя спустилась на ступеньку, оперлась коленями о верхнюю перекладину и дернула корягу в последний раз. Узловатой стрелой та выскочила из потолка. Ганя успела выпустить ее из рук и схватиться за стремянку. Скирра удерживала лестницу, запустив в нее когти. Она не отпускала ее, даже когда пол вздрогнул от падения коряги, и гул от удара разнесся по пещере.

Когда девочка спустилась вниз, руки у нее горели, а ноги дрожали. Вернувшись в шалаш, она протянула руки Скирре.

– Ср-редство у Скир-р-ры хор-рошее, ср-разу пр-ройдет, – заворковала над ней Скирра.

Девочка чувствовала, что земля под шалашом мелко дребезжит, словно рой пчел гудит в улье, а воздух сотрясается, как если бы вся пещера мурлыкала, как мурлыкала накануне Скирра, убаюкивая девочку. Вся пещера благодарила ее, словно довольная кошка.

Закончив с перевязкой, Скирра достала из ящика ракушки и принялась раскладывать на полу, совсем так же, как Ганя видела во сне.

Ганя принялась за остывшую кашу. Затем она вытерла миску песком и золой, затем сухими водорослями, затем сложила в ящик, на который указала ей Скирра, и села смотреть, какой узор та выкладывает. В этом рисунке не было ничего похожего на спираль, которую она видела во сне. Девочка старалась, но не находила в нем никакой закономерности.

Вдруг довольное гудение снаружи смолкло и раздался новый больной рев. Пол задрожал болезненно и неровно.

– Еще коряга воткнулась? Нужно достать? – подскочила Ганя.

Скирра продолжала раскладывать ракушки у очага.

– Хор-рошая Гар-рня, добр-рая. Нет кор-ряг. Пр-росто Гар-р-рида р-ревет. Пар-ршивая др-рема. Гар-рида стр-радает. Стр-радает, стр-радает. Тепер-рь. Вчер-ра. Завтр-ра. Гар-рида!

Она смела ракушки в сторону и повернулась к девочке.

– Пр-рилив! Пор-ра! Пр-роскочишь! Пор-ра!

Скирра поднялась на ноги, порылась под стеной и достала колокольчик. Она надела колокольчик девочке на шею, словно овечке.

– Гар-рида пр-росила пер-редать. Потр-ребуемся – пр-ризиви, пр-ридем! Гар-рня сестр-ра!

Она протянула девочке прозрачный тугий мешок, стянутый по горлышку жилой. Внутри мешка булькала прозрачная жидкость.

– Скирра дар-рит Гар-рне! Хр-рани! Р-редко пр-робуй: р-раз – здор-ровому здор-ровье, втор-рой – р-р-раненого попр-равишь, тр-ри – умир-рающего вер-рнешь, четыр-ре – мер-ртового пр-робудишь! Здор-рова пр-ребывай! Гар-рня сестр-ра!

– Благодарю тебя, Скирра, и твою сестру Гарриду благодарю, приютивших, накормивших, напоивших меня, – поклонилась Ганя. – Буду помнить вас!

– Здор-рова пр-ребывай! Пр-риготовься! Пр-рыгать скор-ро пор-ра!

Как ни уютно ей было в подводной пещере, девочка чувствовала радость при мысли, что скоро выберется наружу. Скирра была добра к ней, Гаррида окружала теплом, но Гане все равно было тревожно. Что же до колокольчика, спасибо, конечно, но услышат ли чудовища его звон, если девочка уйдет от них? Сколько ей нужно пройти до далекого города? И как морские чудовища доберутся к ней по земле?

Она сомневалась. Но сейчас это было неважно, на нее никто не нападал, никакая помощь ей не требовалась. Сейчас она выберется отсюда, выплывет, окажется на милой твердой почве, увидит солнце и луну, и звезды.

– Сестр-ра пр-росыпается! Пр-рилив! Пор-ра!

Хорошо ей было поторапливать Ганю. Но как девочка уйдет отсюда? Какой путь ведет наружу? И что Ганя будет делать, оказавшись посреди моря, одна, без лодки, без помощи? Она умела плавать, она выросла на морском берегу, но переплыть вплавь море она не сумеет. Ганя задрожала, почувствовав холод и страх.

Они поднялись к плоской вершине островка, подошли к пустому кругу, выложенному камнями. Это был круг, очень похожий на очаг внутри шалаша, только в этом не было ни очага, ни перекладки, на которой висела кастрюля, ни водоросли, ни травинки, ничего. Скирра положила руки на плечи девочке, снизу вверх заглянула ей в глаза.

– Бер-рег р-рядом. Дер-ржись. Вер-рю.

От ее слов по животу Гани разлилось тепло, словно от еще одной тарелки горячего супа. Она шагнула в круг и, задрав голову вверх, улыбнулась. Знакомство с чудовищами обернулось дружбой, и Ганя была благодарна им. Но теперь нужно идти дальше. Чтобы вернуться домой, она должна выполнить мамину просьбу, а для этого она должна двигаться вперед. Она принесет маме самый красивый гребень, самой красивой маме, чтобы она для всех стала самой красивой.

Земля клокотала все чаще и громче. Посреди круга, под ногами, земля просела, как сыпучий песок. Ноги проваливались вниз.

Девочка прижала руки к груди, вытянулась, словно перед прыжком в воду. Пора! Фонтан ударил из-под земли и подбросил ее к потолку. Она проскочила от пола до потолка, и сквозь потолок, сквозь узкий ход, приоткрывшийся в потолке – наружу. Ганя вылетела из пещеры с потоком воды в другой поток. Она летела, зажмурившись, не чувствуя вокруг себя ни тверди, ни пустоты. Поток нес ее, крутясь и поднимаясь все выше, пока не выдохся, не накренился, как узор из ракушек, который Скирра рисовала на полу шалаша. Девочка медленно, очень медленно опустилась вниз вместе с гребнем морской волны, она даже рискнула приоткрыть глаза, но тут ее заново закрутило, подняло и ударило о плотную, как камень, воду, а потом закрутило и перевернуло вновь, проволокло по мелкой воде. Она свернулась в клубок, выставив пятки вперед. Песок царапал ей локти и плечи, обжигал колени. Девочка не понимала, где верх, где низ, где море, где берег. Она удерживала дыхание в водовороте, ощущая на коже быстрые воздушные пузырьки и колючий песок. Дыхание заканчивалось. Разве она плыла! Ее тащило в колючей морской трубе неизвестно куда. Волна еще раз перевернула ее, ударила о дно, едва не свернув ей шею, зашипела, убегая, оставляя девочку на искрящемся пеной песке. Из последних сил она приподнялась на четвереньки, только потому, что вспомнила теплый взгляд Скирры – «вер-рю», Скир-ра помогла ей, она не может упасть тут, захлебнуться уже на берегу – и поползла прочь от волны, еще чуть-чуть прочь, выше по дюне, куда не добежит даже самая жадная волна. Море больше не дотягивалось до нее, не доставало даже до ее пяток.

Песок стал сухим и рыхлым. Она проваливалась в него, понимая, что силы закончились, совсем, скоро она не сможет пошевелиться. Перевернувшись на спину, она упала, раскинула руки и ноги наподобие морской звезды. Ганя вдохнула свежий ветер и поглядела в чистую лазурь над головой. Она лежала на узкой песчаной полосе.

В глубине залива, перед девочкой, возвышалась скала. Она резко уходила вверх, дремучий лес покрывал ее, словно шерсть могучего зверя. Пропасти, спускающиеся к воде, походили на бока огромного живого существа, а огромный камень у кромки скалы... Конечно же! Это была оскаленная медвежья пасть, заглатывающая морскую воду.

Наверно, она все же заснула там, на песке. Разбудили ее капли дождя, бьющие по лицу. Серая дымка затянула небо. День длился из последних сил, поминутно уступая сизым сумеркам.

Ганя вскочила на ноги. Песчаная коса, на которую ее выбросило приливом, тянулась узким светлым языком между скал. За косой вздымалась в небо гора. В пару прыжков девочка взобралась на ближайший камень. Так здорово было чувствовать под пятками прочную, стоящую неподвижно почву! От восторга она принялась скакать на месте и завопила победную песню без слов или с какими-то глупыми детскими словами: «Прыг да скок, пяткой чпок, прыг да скок, ножкой топ!левой ножкой топ, и правой ножкой хлоп, по камню, по камню, на дорожку прыг».

– Угу, – отозвалось сверху.

– Ты кто?

Ганя запрокинула голову, ловя ртом крупные капли дождя.

– Угу, – ответила ей серая тень на скале.

– Ага, – сказала девочка и замахала тени обеими руками.

– Ух, ууух.

Крупная сова сорвалась с камня и полетела вверх, вдоль скалы, пропадая из вида на неровных серых камнях. Ганя проводила ее взглядом. Хорошо птице, взмахнул крыльями и лети, куда хочешь. А Гане как отсюда выбираться? Прибрежные глыбы поднимались к скале, уходящей вертикально ввысь. Ни следа тропы по камням, ни следа на песке. Ни люди, ни звери здесь не ходили. Наверно, Ганя была первой, кто ступил на этот песок.

Попытаться обойти бухту вдоль воды, по утесам? Но утесы обрывались в шипящие пеной волны, там наверняка глубоко, даже у края, и волны страшно бьют по камням. При взгляде на волны Ганя задрожала, наконец почувствовав холод. Самым разумным, вероятно, было бы заночевать здесь же, на песке, куда не доберется прилив, а наутро, дождавшись отлива, двинуться в обход мыса по низкой воде. Можно устроиться между камней, заползти в щель между крупными валунами, как в домик, надеясь, что прилив туда не достанет. А если и достанет, то медленно, постепенно, разве что ноги намочит, пока проснешься и будешь выбираться наружу. Переночевать тут, а потом, с утра, обойти утесы по мелкой воде.

Но Ганя не могла усидеть на месте. Что-то толкало ее изнутри и гнало дальше. Вперед, вперед. Наверх, дальше вверх. Спасибо подводной пещере, спасибо чудовищам, приютившим ее. Она выскочила из пещеры, теперь ей нужно подниматься дальше, в гору по серым камням.

И она поскакала наверх, перепрыгивая с камня на камень, нащупывая босыми ступнями, где прочно, где гладко, высматривая, угадывая, куда опереться, куда поставить ногу в следующем прыжке. Вскоре ей пришлось помогать себе руками. Склон круто поднимался вверх. Бег замедлился, перешел в подскоки с подтягиванием. Она выскивала опору для пальцев, тянулась, хваталась за щербинку в скале, подтягивала тело, переносила ногу к следующему выступу, на следующую ступеньку, подтягивалась еще, выскивала зацепку для другой руки, и снова, и снова.

И снова.

Не останавливаясь, обдирая кожу, на ходу согреваясь и покрываясь потом, не глядя вниз, только на каменную поверхность перед собой и впереди себя, выше себя, она ползла и ползла, и ползла, и ползла по отвесной скале.

Внезапно сгустились и уплотнились сумерки. Она уже только на ощупь определяла щербинку в камне, за которую могут ухватиться пальцы. Ветер с моря, только что нежный, ласковый, сдувающий с нее жаркий пот, обернулся дикими шлепками и пощечинами. Скоро он усилится, и она замерзнет. Пальцы дрожали от напряжения и усталости, но она гнала из головы дурные мысли, карабкаясь дальше. Подтянувшись еще раз, она перебросила тело на узкий отвес вдоль скалы. Улеглась на камень, восстанавливая дыхание и собирая мысли.

Однако успокоиться не удавалось. Сердце колотилось о ребра, руки и ноги дрожали. Ветер усиливался. Из одежды на Гане по-прежнему были одни штаны и рубашка. Они насквозь пропитались потом и, кажется, немножко кровью от ссадин. Ступенька была едва в ширину ее тела, только чтобы улечься, не свешиваясь в пропасть. Гане стало плохо при мысли, что ей придется заночевать здесь, лежа на каменном отвесе или упираясь спиной о скалу, ухватившись пальцами за камни по сторонам и свесив ноги в пропасть.

Опираясь на ладони, она встала. Колени дрожали. О том, чтобы ползти дальше вверх, нечего было и думать. Ганя пошла вдоль ступеньки, держась за скалу, нащупывая каждый следующий шаг на ширину ступни. Отвес был усеян острыми камнями. Она осторожно ставила между ними ногу или тихонько отодвигала камень в сторону, стараясь не уронить его в пропасть. Пару раз ее нога погружалась во что-то мягкое и сухое. Возможно, растение, возможно, она шла по козьей тропе. Тут ходили горные козы. Это дарило надежду – они же не испарились посреди скалы, она сможет пройти там, где прошли они, она выберется отсюда вместе с ними.

Неизвестно только, когда. Козы могут скакать часами, если не днями. А она устала. Так устала, что чувствовала, что засыпает прямо на тропе. Руки продолжали держаться за скалу, но глаза моргали, и за это мгновение она успевала увидеть козу с золотыми рогами, сотней глаз, выглядывающих из прядей седой шерсти, и выменем, волочащимся между ног и истекающим ручьем молока. Коза открывала рот – и тут Ганя просыпалась и теряла ее. В следующем мгновении она шла по полю, по пояс в сухой траве, всходящей каплями крови – крупными алыми маками. Гудели шмели, шелестели и дробно стучали созревшие маковые коробочки. Ганя тянулась к ближней коробочке и хватала пальцами мокрый камень.

Было уже совершенно темно. Роса покрывала камни. В ушах у Гани шумело, в голове гудело. Идти дальше было нельзя. Пока она не поскользнулась, пока не упала, надо было останавливаться, садиться, обкладывать себя камнями для равновесия и хоть какого-нибудь тепла, и дожидаться рассвета.

В этот момент рука Гани, ощупывающая скалу впереди, провалилась в пустоту. Девочка замерла. Тропа под ногой расширилась, уходя вглубь отверстия в скале. Она провела ладонью вдоль края. Отверстие заканчивалось чуть выше ее головы. Гладкий камень с выщербленными линиями удерживал свод. Волнистые линии оканчивались плавной елочкой наверху, овалом и несколькими прочерками внизу. Возможно, случайные дождевые выщерблины. Насколько широко простирается проем, она не рискнула узнать. Но опустилась на четвереньки и поползла внутрь, забираясь чуть наверх по мелким камням и песку, в ближний к ней, левый угол пещеры.

Внутри пахло рыбой, но рыбьих костей и голов она не почувствовала. В шаге от входа она наткнулась на гладкий прохладный камень. Камень? Нет, скорее, череп. Гладкий череп с отверстиями глазниц. Вытянутый череп крупного зубастого животного. Козел или ослик, или жеребенок, кто знает. Просто череп животного, забравшегося в пещеру. Если есть следы на тропе, могут быть кости в пещере?

Девочка остановилась у каменной стены. Свод здесь образовывал нишу. Сюда не задувал ветер, тут было тихо и почти тепло. Пол был устлан шерстью вперемежку с крупными перьями. Девочка устроилась внутри ниши, как в гнезде, свернулась калачиком, набросала на себя сверху шерсть и сухие перья с пола. Ганя согрелась, успокоилась и подумала уже, проваливаясь в сон, что, может быть, стоило остаться здесь, в пещере, навсегда и не ползти дальше, так и лежать здесь, на ничьей земле, в темноте и тепле.

Она почувствовала на себе колючий взгляд. Ганя открыла глаза и ахнула. В слабом лунном свете, проникавшем в пещеру снаружи, на стенах зажглись огни: бирюзовые, лимонные, бордовые, салатные, розовые... Драгоценные искры сияли и меняли цвет, когда она поворачивала голову – в одном месте это были отдельные точки, дальше – крупные созвездия, с другой стороны – сверкающая россыпь, с третьей – сияющий до боли в глазах широкий путь. Разноцветная кровь земли выступила на коже пещеры, невидимая ни для кого, кроме диких

зверей, забравшихся по склону, и путников, случайно оказавшихся внутри. Может быть, и не было тут никаких путников. Ганя первой оказалась в каменной сокровищнице.

Драгоценные огни подмигивали, словно говорили с девочкой, словно манили ее к себе. Она осторожно прикоснулась к бирюзовому свечению. Камень оказался склизким на ощупь, не камень, а крошечный светлячок, поняла Ганя. Она отдернула руку – и тут за ее спиной раздалось низкое клокотанье. Невидимый в темноте, на нее смотрел страж горных богатств, приглядывая, чтобы никто не дотронулся до сокровищ. Это его взгляд разбудил ее, поняла девочка. Ганя подскочила на месте, стукнулась макушкой о потолок:

– Да ты что, я же только тронула!

Она оглянулась. И никого не увидела. Сквозь вход в пещеру на нее смотрела нестерпимо яркая луна. Трещина в скале простиралась далеко вбок, поднимаясь вместе с полом пещеры.

Глаза Гани заслезились. Она чихнула. Быстрые крылья прочертили черту поперек входа, пересекли лунный диск и пропали. «У-ух», – донеслось снаружи.

Клокот из глубины пещеры раздался снова, ближе и громче. Пахнуло вонючей рыбой. Столбик пыли поднялся в воздухе, закрутился в спираль напротив входа. Из дальнего угла раздалась шага, словно кошка охотилась на мышшь. И мышшь тут была она, Ганя! Едва она спаслась от одного чудовища, как угодила в лапы к другому!

Тихонько, стараясь не шуметь, не наступать на предательски шаткие камни, она стала пробираться к выходу.

– Аггррх!

Голова возникла в просвете между девочкой и выходом из пещеры, на ее пути наружу.

Ганя вскрикнула:

– Отстань, не нужны мне твои драгоценности! – и зажала рот руками.

Это была птичья голова, крупная, плоская, с клювом крючком. Она была вдвое или втрое больше головы самого большого горного орла. Размером это чудовище было с лошадь или верблюда, которого Ганя видела однажды. Птица сделала еще шаг, горделиво поворачивая голову из стороны в сторону, и Ганя разглядела нахмуренные брови, злые холодные глаза, серые перья на макушке и светлые на воротнике. Птица раскрыла крылья, щелкнула клювом и издала еще один пронзительный крик. Перья на ее шее встали дыбом, могучее крыло заслонило Гане выход из пещеры. Ганя вжалась в стену.

Из распахнутой пасти чудовища высунулся острый, как у змеи, язык, сверкнул на просвет частокот мелких зубов. Чудовище сделало еще шаг на свет. Это был не орел, вообще никакая не птица! Тощая орлиная шея переходила в львиную гриву. Увенчанный кисточкой хвост свистел, разбрасывая искры над спиной чудовища. Отдельные искры сверкали на хвосте, словно чешуйки на змеином теле, словно россыпь камней на стене пещеры. Даже присев на крепких кошачьих лапах, ростом оно было выше девочки. Чудовище вздрагивало зубастым клювом, молотило хвостом по бокам и поводило горделивой головой, принохиваясь в поисках добычи.

Нашло и скакнуло к ней.

Ганя ринулась от чудовища, вглубь пещеры, вверх по сыпучему склону. Она отшвыривала мелкие камни и песок, попадавшие под руки, торопясь убежать, скрыться от клюва и острых когтей невиданного зверя. Клокот позади нее перешел в кашель. Чудовище захлебнулось в туче пыли, которую девочка ненароком направила ему прямо в морду. Ганя еще быстрее, без остановки, заработала руками и ногами.

Между тем пещера сузилась в лаз, слишком тесный для огромного зверя. Чудовище пыхтело и кудахтало позади, но останавливаться не собиралось. Оно колотило клювом по камням, стучалось о них грудью и оглушительно било крыльями. Глупая курица! Безобразное чудовище! Оно не видело в темноте, не то что кошка, которой оно приходилось родней. Оно не могло пролезть в узкую щель, как его змеиный хвост. Если оно и умело летать, как ему велели крылья, это не помогло бы ему в глубине узкой пещеры. Но оно билось и билось о камни, и дро-

било стену, так что осколки разлетались по лазу совсем рядом с Ганей. Чудовище не собиралось сидеть у выхода, как кошка у мышинной норы, дожидаясь, когда девочка выползет наружу. Оно рушило стену, стараясь расширить лаз, пока Ганя забиралась глубже, не раздумывая, что она будет делать потом, если лаз превратится в тупик, а чудовище все-таки доберется до нее.

Проход становился все уже. Девочка захлебывалась в пыли. Она скручивалась и извивалась, пролезая в кромешной тьме между камнями, от одного проема к другому, сначала руки, потом голова, потом грудь, живот, бедра, ноги. Она уже не понимала, ползет она наверх или вниз, вправо или влево от далекой норы, где собиралась переночевать. Поверхность камней стала мокрой, к радости девочки – по скользкому ползти легче.

Лаз накренился. В углублении камней накапливалась влага, ее делалось все больше. Ганя уже не ползла, но скользила по скользкой глине, свежие сладкие капли падали ей на макушку, она задирала голову и она слизывала их на ходу. Она старалась не думать, что ждет ее в конце лаза, за различимой уже серой полутьмой.

Девочка шлепалась в холодные лужи на каждом изгибе прохода, она все быстрее скользила вниз. Свет становился ярче, и вместе с ним росла радость Гани. Она торопилась выползти наружу, отталкивалась ногами, подталкивала себя сквозь каменный ход, по подземной реке, насквозь через новый грот, на воздух, на свет. За ней, тихая и незаметная в сумраке между камнями, ползла змейка. Чешуйки на коже змейки вздрагивали короткими бледными искрами.

Течение усилилось так, что несло девочку, уже не спрашивая у нее, хочет ли она остаться в пещере или выбраться из нее. Подземная река бежала к устью, прихватив девочку с собой. А у нее хватало сил только отгребать немного вбок, держась ближе к краю пещеры, в немногим более спокойную воду.

Наконец река скакнула к просвету неба за сводом пещеры. Изогнувшись, Ганя схватилась за острые каменные края, протолкнула себя через горловину грота и вместе с потоком вывалилась наружу.

Свет ударил ей в глаза. Она влетела в теплую мягкую воду. Зажмурившись, она погрузилась в мелкое озерцо совсем рядом с выходом, ухватилась за скользкие камни.

Хорошо, что она держалась ближе к краю течения, хорошо, что она удержалась у края и не вылетела из пещеры с размаху, но мягко опустилась в каменную ванну. Она лежала в мелкой воде на теплых камнях и жадно заглывала воздух.

Все равно, после долгого путешествия в ушах у нее гудело. В веки било солнце. Узкий извилистый лаз, песок и пыль, странное когтистое существо, пещера с драгоценными камнями остались в прошлом, на свету стираясь из памяти, как непонятный путанный сон.

Пахло хвоей и сладкими цветами. Ганя открыла глаза, осматриваясь вокруг. Ниже по центру протоки шумел водопад, а сбоку от стремнины ручей образовывал заводь, окруженную зарослями ежевики. Быстрые стрижи свистели в небе. Незамеченная девочкой, змейка выползла из пещеры, юркнула наискосок по воде, пробралась между зелеными прутьями, прошелестела чуть слышно и пропала в кустах.

Надо подниматься. Напоследок расцарапав руки о колючки, Ганя подтянулась и выбралась на берег. Она уселась на сухой камень и заморгала, стараясь прийти в себя. Сколько хватало взгляда, внизу перед ней лежала цветущая долина. Кусты и деревья, карабкающиеся по склону. Холмы и луга. Почему она тревожно всматривалась, словно ожидала разглядеть волны в злой пене? Никаких волн тут не было. Только густые сосновые лапы, ветки ясеней, рябин и акаций. Больше не будет моря. Она переплыла море, прошла гору насквозь и вышла на другую сторону. Она добралась до далекой чужой земли.

Но где же город, в котором живет мамина сестра?

До девочки донесся аромат яблок. Внизу, в долине, росло дерево, усеянное золотыми яблоками. Их медоточивый аромат поднимался по склону холма. Девочка шагнула вперед, раздвинула сосновые ветки... и схватилась за запястье – браслет! Рука была пуста.

Подарки Скирры, колокольчик – на шее, водяной пузырь – на поясе, только тяжелее стал, больше воды набрал в подземной реке. А мамин подарок, браслет?!

Что делать? Вернуться? От ужаса перед ней высветились мгновения ее пути. Когда она его обронила? Где? Он утонул в подземной реке? Зацепился за камень, когда она пробиралась по узкому лазу? Или исчез до того? Был он на запястье, когда она разглядывала драгоценности на стене пещеры? Когда она ползла по скале? Когда ее закрутила волна перед тем, как вынести на берег? Как она могла позабыть о браслете?!

Что же делать? Вернуться обратно? Искать по всему берегу, по всему морю?

Невозможно.

Холод пробежал по ее спине.

Как она теперь будет объясняться с тетей?

Радость схлынула с нее, словно весенний дождь пролился из тучи и ушел в землю. Девочка заплакала так отчаянно, как не плакала с ночи ухода из дома.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПО НОВОЙ ЗЕМЛЕ

Глава 7

Солнце клонилось к вершинам холмов за долиной. Щебетали птицы. Пахло зеленым, хвоей и ягодами. Склон, где сидела Ганя, густо порос колючими кустами. Снизу, из леса, доносился одиночный стрекот цикад. Скоро они сольются в оглушительном общем хоре, солнце сядет, и ей опять придется ночевать на горе.

Пальцы у нее мерзли. Ноги мерзли. Но слезы высохли. Больше всего на свете Ганя сейчас не хотела ночевать на горе, хоть и не на каменистом пороге, прижимаясь спиной к скале, здесь склон зарос травой и мягко спускался к долине, но все равно – только не на горе, рядом с разинутым зевом пещеры, из которой вот-вот полезут зубастые твари. Нет!

Девочка поднялась на ноги, отряхнула одежду – в горной реке она перепачкалась белым, словно окунулась в молоко. Встряхнула головой, и из волос тоже вылетела белая пыль. Еще раз взгляделась вниз. Залитая лучами солнца, громадная яблоня посреди долины выглядела самым привлекательным местом для сегодняшнего ночлега. Она пойдет вперед, спустится, заночует под яблоней, на ровном, на сухом месте. Согреется, поест, поспит. Главное, отойдет подальше от горы, от пещеры. А наутро решит, что будет делать дальше.

Спуск оказался проще, чем она думала. Девочка перескакивала с камня на камень, скакала вдоль старого русла ручья. Кусты переплетались высоко над ложем ручья, так что она пробегала под ними, не нагибаясь и не задевая колючих веток. Колокольчик на шее девочки позвякивал, тренькал радостно, словно напевал веселую песенку. Скоро и Ганя затянула такую же веселую бессмыслицу: «Динь-динь-дон, динь-динь-дон, колокольчик звон-звон-звон, Ганя посуху идет, Ганя песенку поет, как из речки выплыла, из-под горы выбралась, Ганя понизу пойдет, кучу яблочек наберет».

Девочка подняла голову. Ей послышалось или из кустов впереди раздавался шум? Нет, не из кустов. На пригорке, сбоку от ручья, что-то прошелестело. Еще раз, подальше, на камнях. Ганя замолчала и пошла дальше осторожно, глядя в сторону, откуда раздавался шелест. Несколько шагов было тихо. Кустарник поредел, вдоль склона поднялась густая трава вперемежку с прутьями деревьев. Ганя спустилась уже довольно далеко. Можно выбираться из каменистого желоба, пойти сбоку, по ровной траве.

Вдруг опять – шелест! Шевельнулись стебли травы, мелькнула узкая черная молния. Змея! Ганя обхватила себя за плечи. Змея, здесь, в лесу, рядом с босой девочкой! Зачем она ползет вдоль ручья? Такая маленькая змейка, едва пара ладоней в длину. Снова зашуршала в траве.

От страха Ганя запела тихонько: «Динь-динь-дон, динь-динь-дон, змейка, змейка, выйди вон, Ганя понизу пойдет, змейка к ней не подползет, уползет в свою нору, станет там метать икру, утром выйдут змейки, сядут на скамейке...». Ганя не была уверена, что змейки размножаются икрой, но что поделаешь, если так спелось. Вообще-то, и про нору она выдумала. Где живут змеи, в норах или в гнездах? Но Ганя развеселилась от пения, ей показалось даже, что змейке песенка тоже понравилось. Девочка запела громче. Крошечная голова с глазами-бусинками выныривала из-под травы, смотрела на нее и ныряла обратно.

Ганя выбралась из ложа ручья. Землю здесь устилал сухой ржавый ковер сосновых иголок. Разлапистые ветки простирались во все стороны. Хор цикад голосил уже оглушительно и неумолчно. Они тархтели отовсюду, воздух дребезжал от их беспрерывного звона. Ганя почти оглохла, ступая по теплой рыжей земле.

Искоса она следила, где сдвинутся иголки, где мелькнет черный зигзаг, и продолжала петь, надеясь, что змейка по-прежнему слушает ее и улыбается ей. А та уже не таилась: ползла в паре шагов впереди Гани, или это девочка перестала сама отыскивать дорогу, но следовала за ней. Змейка оборачивалась, поднимала голову над иголками, словно проверяя, не потерялась ли девочка. Ганя бежала за змейкой, перекрикивая ход цикад: «Динь-динь-дон, динь-динь-дон, мы с тобой в траве ползем, ты ползешь, я лезу, по густому лесу...».

Лес был вовсе не густой и без поваленных деревьев, через которые Гане пришлось бы перелезть, как она пела. Змейка, должно быть, удивлялась ее словам. Она подняла голову, обернулась и так и ползла вперед, глядя на девочку. Голова змейки покачивалась в ритм перезвону колокольчика и звукам песенки.

А она милая, решила Ганя. Девочка уже не знала, что вплетать в куплеты дальше, и пела, что попало, совершенную бессмыслицу: «...там живет шишкогрызун, грубиян и щебетун, рядом с ним тангуба, весела и белозуба, а также черногуба, устроила запруду, редкая зануда... Ой!».

На последних словах голова змейки, так и повернутая назад, к девочке, ухнула вниз – среди рыжих иголок чернела дыра шириной в локоть. Ганя подбежала ближе. Узкий колодец уходил вниз, обрываясь на глубине водной гладью, пошедшей кругами от движений змейки. Стенки колодца были ровными и гладкими. Как змейка ни пыталась вылезти наружу, она соскальзывала и падала обратно в воду. Вскоре она оставила попытки выбраться наверх и только безостановочно крутилась по поверхности. Крошечные волны добежали до стенок колодца и возвращались обратно.

– Сейчас, подожди!..

Ганя набрала первое, что оказалось под рукой – пригоршню сухих иголок, и бросила в колодец. Змейка зашипела из пышного рыжего вороха. Ганя испугалась – что же она наделала! Иголки совершенно не годятся, змейка ни опереться на них не сможет, ни отдохнуть. Наоборот – теперь она не может плавать по поверхности, вода засыпана колючим ворохом. Ай, как ошиблась Ганя! Но что же делать, как помочь змейке, теперь, когда та едва держится на воде и рассерженно свистит? Долго она так протянет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.